

ЗНАКИ С У Д Ь Б Ы

Татьяна Форш

Ведьмин
Крест

Annotation

Старинный амулет — массивный плетеный крест с изумрудным камешком — единственное, что досталось Соне в наследство от матери. Правда, девушка и думать забыла об украшении, пока оно не выпало из шкатулки после переезда из интерната в студенческое общежитие. Как раз с тех пор Соне начали сниться кошмары, будто переносящие в иную реальность. А ее нового знакомого Виктора стали преследовать большие неприятности. Соня уверена, что причина кроется в загадочном амулете, хоть Вик и считает иначе...

Татьяна Форш

Ведьмин крест

С огромной благодарностью Филимоновой Ольге за неоценимую помощь и дружескую поддержку в работе над книгой.

© Гессер Т., текст, 2017

© Петрова Е., иллюстрация на переплете, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Та ночь была темнее всех, а может быть, так показалось Анастасии. Та ночь разделила жизнь на то, что было, и то, что не произойдет никогда.

— Мы должны спасти людей! наших детей! — говорила мать, пряча глаза, и сама не верила в то, что произносит это. Еще месяц назад она говорила Анастасии совсем другое. Они сидели на крыльце дома и, глядя в звездное небо, мечтали о том, что осенью, после ее пятнадцатилетия, они отпразднуют ее помолвку с Михаем, а по зиме сыграют свадьбу.

Мать говорила ей, что она единственная, у кого из их детей так ярко и самобытно проявился колдовской дар. Она прочила Анастасии великое будущее. И что теперь?

— Вы меня убьете?

— Наоборот! Ты будешь жить вечно! Ты сможешь быть, кем захочешь! Ты будешь проживать жизнь за жизнью! — Отец присел перед ней на корточки и, не таясь, заглянул в ее полные слез глаза. — Не бойся! Верь мне! Если бы у меня был выбор, я бы, не задумываясь, сделал его, но выбора нет. Если граф не получит то, чего хочет, он убьет не только тебя, но и твоих братьев, твою маму, меня. Он убьет всех! От мала до велика! Он убьет твоего любимого!

Анастасия только кивнула.

— Хорошо. Я согласна пойти на эту жертву. Пусть будет так...

Костер развели большой. Огромный!

Анастасия помнила все смутно. Ее мутило от ужаса, когда двое мужчин заволокли ее на самый верх поленницы и, привязав к торчавшим кольям, ушли.

Вскоре дымом заволокло все вокруг. Жаль, что сейчас ночь... не взглянуть еще раз на солнышко...

— Настяааа!

Крик донесся сквозь треск пожираемых огнем поленьев...

Анастасия дернулась, всмотрелась в толпу, пытаюсь разглядеть.

— Любимый! Михай! Зачем ты пришел! Зачем они сказали тебе?

— Я буду любить тебя! Помнить всегда! Мы еще встретимся-а-а!!!

Крик оборвался. Анастасия наконец-то увидела его. Любимый! Стражники графа несли его бесчувственное тело к краю очерченного отцом круга. Бросив его за границей света, они направились обратно.

Анастасия зарычала от рвущих ее изнутри гнева и боли. Как они могли так! С ним?!

Она даже не заметила подбиравшегося все ближе и ближе к ней колдовского огня. Его зеленые сполохи не были горячими, не обжигали, наоборот, превращали сердце в кусок льда. А может, причина тому настой, что заставила ее выпить перед казнью мать?

Наконец Анастасия услышала басовитый голос отца. Он стоял у костра, в самом его пламени, и как ни в чем не бывало читал свое заклинание. Настя должна была стать сильнее его и мамы вместе взятых, так он говорил. А может... он просто испугался ее силы? Ее возможностей? И потому принес в жертву?

Анастасия почувствовала, как лопается, обугливается ее кожа от замораживающего огненного вихря, как трещат волосы, и не в силах сдержать рвущуюся в мир агонию из чувств и приближающейся смерти закричала:

— Я вас ненавижу! Всех вас! За то, что отняли мою жизнь, мою любовь, я буду искать

вас и ваших потомков, и не будет никому пощады! Никогда-а-а-а!

В следующий миг она почувствовала, как весь мир завертелся разноцветной спиралью, сжался в изумрудную точку, и наступила мгла.

Глава 1

— Матушка, смилуйся! Не скажу никому! Никому не скажу! — Холоп Митька, тощий, бритый наголо пацаненок лет пятнадцати, попятился, скользя по снегу, испуганно таращась на ступившую с крыльца на двор одетую в длинную ночную рубашку босоногую барыню. Хотя и не барыня она вовсе. Обычная бесприданница, всего-то на пару лет его старше. Да, видно, приглянулась хозяину, раз в свои годы под венец эту пигалицу повел.

— Что ты никому не скажешь? — Барыня с улыбкой подходила все ближе, пока Митька не уперся спиной в стену овина. Ее красивое лицо застыло безумной маской, черные волнистые волосы повисли паклей, омоченные не водой, а кровью убиенной ею только что прислужницы Маньки. Она сейчас была точно демон из ада в этом белоснежном, холодном миру.

«И меня убьет! Дернуло же заглянуть в спальню! Лучше бы спал на конюшне и знать не знал о всех этих ужасах!» — с тоской подумалось парню. Стараясь не глядеть на белоснежную ночную рубашку барыни, испачканную темно-красными брызгами крови, он упал на колени и стал истово креститься.

— Ничего! Никому! Вот те крест! Никому!

— Правильно. Никому! — Хозяйка приблизилась так близко, что от запаха крови желудок парнишки сжался в тугую комок. Обуянный животным ужасом, Митька уставился в ее полыхнувшие колдовской зеленью глаза. — Потому что ты сейчас пойдешь в конюшню и повесишься. Понял?

— Нет. — Холоп быстро-быстро замотал головой и отчаянно выкрикнул: — Нет! Скоро приедет барин! Он все узнает! Узнает!

Он, вереща, вскочил и, поскальзываясь на снегу, бросился прочь.

Софья, не переставая улыбаться, развернулась, глядя, как парень вспугнутым зайцем несется к воротам усадьбы. И вот, когда он нырнул под раскидистую иву, стоявшую у самого забора, ветви-плети, подчиняясь вековечному злу, таящемуся на дне ее сияющих колдовской зеленью глаз, захлестнулись на тощей шее слуги и потянули вверх.

— Никто. Ничего. Не узнает! — промурлыкала Софья, глядя на агонию холопа, развернулась и пошла к каменному двухэтажному дому, где безмятежно спал ее любимый. Ничто и никто не должен побеспокоить его сон... Тем более глупая прислуга, так не вовремя заявившаяся со своим чаем, и этот мальчишка холоп, наблюдавший за ними в окно.

Никто!

* * *

Задыхаясь от липкого ужаса, Соня села на кровати, пытаясь прийти в себя от привидевшегося кошмара. Приснится же! Какие-то холопы, девушка вся в крови... Сперва Соня решила, что эта девушка — она сама: такая же высокая, черноволосая, зеленоглазая, яркая. Вот только видела Соня себя со стороны. Разве во сне так бывает?

Нет! Это точно была не она! Хотя даже имя похожее...

Наверное, все дело в экзаменах. Перенервничала. Да и будущее неясно. Если поступит — хорошо. А если нет? Надо где-то искать работу, жилье.

От мыслей о будущем стало еще хуже, но, по крайней мере, ужас, навешанный сном, растаял, словно и не было. Ведь ее настоящая жизнь едва ли не страшнее самого жуткого кошмара.

Но так было не всегда. До десяти лет ее жизнь была прекрасна, и будущее виделось безоблачным. До приезда бабушки Светы. Она оказалась теткой мамы, вырастившей ту. Об этой Свете Соня, как ни странно, ничего не знала.

Приехала гостя из какой-то глухомани в Сибири. Прожив у них около недели, она попала в больницу и больше к ним в дом не возвращалась. Мама сказала, что бабушка уехала к себе домой. Соня узнала, что это не так, спустя месяц, когда нашла свидетельство о смерти.

А дальше начался кошмар похлеще, чем во сне. Папина фирма очень быстро разорилась. Какие-то люди стали приходить к ним в дом, угрожая. Мама стала часто исчезать из дома, возвращаясь только под утро. Однажды Соня нашла в ванне следы крови, а в мусорном ведре окровавленное платье мамы.

Отец на все вопросы дочери отмалчивался. Сказал только, что мама решает их общие проблемы и не надо волноваться о том, что ее, Соню, не касается.

Мама появилась через неделю. Ту ночь Соня запомнила навсегда. Сперва до нее доносились взволнованные голоса родителей, затем раздались крики, и вдруг наступила тишина, да такая, что Соне захотелось залезть под кровать и никогда-никогда оттуда не вылезать!

Вскоре дверь распахнулась, и на пороге ее спальни появилась мама. Скользя по дочери невидящим взглядом, она только бросила: «Прости». Достала сотовый. Набрала короткий номер и произнесла:

— Улица Садовая, дом семь, квартира пятнадцать. Я только что убила мужа.

Чтобы избавиться от нахлынувших воспоминаний, Соня даже потрясла головой. Прошло уже семь лет, а все помнилось так, словно было вчера. Маму осудили на десять лет. И даже то, что судьи решили признать случившееся убийством по неосторожности, не смягчило приговор.

Мама умерла в тюрьме через пять лет. Соня уже жила в детском доме, когда однажды ее вызвала к себе директриса и, пряча глаза, протянула сверток.

— Тут вещи твоей мамы. Мне сообщили, что она погибла. Мне жаль.

Соне тоже было жаль. До судорог в животе, до ломоты в костях. И себя. И маму. И отца. И их когда-то счастливую жизнь, полную надежд и мечтаний. А главное, жизнь, полную любви.

Она вернулась в комнату и, когда соседки заснули, достала фонарик. Развернув газетную бумагу, Соня с жадностью принялась перебирать оставшиеся после родительницы вещи. Платье, в котором мама была на суде, её часы, узорная подвеска — крест из переплетенных линий. В центре светился, переливаясь зеленым, небольшой прозрачный камень. Здесь же лежало несколько листов, исписанных убористым маминым почерком. Письмо. В нем она просила прощения, говорила, что не причастна к убийствам партнеров и кредиторов отца. Да и в смерти отца тоже была невиновна. Что все произошедшее — это какое-то помешательство. Колдовство.

Соня проревела в ту ночь до утра. Она так и не поняла, что же на самом деле произошло с фирмой отца, с их семьей, но почему-то в душе появилась непоколебимая уверенность, что всему произошедшему могла бы дать объяснение бабушка Света. Если бы была жива...

Признавшись себе, что больше не уснет, Соня поднялась, тихо оделась и, чтобы не будить досматривающих последний сон подруг, вышла из комнаты. На кухне никого не было. Повариха тетя Маша приходила в шесть, значит, у нее есть целый час, чтобы еще раз спокойно хорошенько обдумать, в какой институт отнести документы. Конечно, ей, детдомовке, высшее образование не светило бы вообще, если бы не отличная сдача ЕГЭ. Сто баллов из ста.

Соня знала, что этот шанс она выгрызла у жизни упорством и терпением. А еще желанием вернуть себе счастливую жизнь. Пусть уже и без родителей. Она привыкла быть одна, но очень надеялась, что теперь время ее одиночества подошло к концу.

— О! Сплюшка! — голос тети Маши заставил ее вздрогнуть и вскочить ей навстречу. — Да сиди ты, заполошная!

Она прошла мимо девушки, повязала фартук, надела косынку и принялась за дело. Бухнула на плиту кастрюлю литров на десять, наполнила ее молоком и включила.

— Опять манка? — Соня уже привыкла, что повариха звала ее Сплюшкой. У тети Маши была причуда давать воспитанницам смешные прозвища. Сами же девчонки, как ни старались, дать ей прозвище не смогли. Дальше Маша-Каша не пошло.

— Не опять, а снова! — подмигнула повариха, налила себе крепкого чаю и села напротив. — Ну? Чего? Придумала, куда сегодня сдаваться пойдешь?

Соня виновато развела руками.

— Даже и не знаю! Вроде экономистом выгодно и юристом тоже. Но больше всего я бы хотела учить детей. Мне история нравится...

— Значит, иди в пед и не грей голову! — тут же сделала за нее выбор тетя Маша. — А экономистов и юристов и так, как блох!

— Но в школах платят копейки, а мне надо брать ипотеку. Квартиры же у меня нет. Родительскую забрали за долги. — Соня взглянула в окно, на разбитый вокруг интерната сад. Утренние лучи шаловливо искрились в каплях, оставшихся после дождя.

— Не бойсь! — отмахнулась та. — Без дома не останешься! А ежели поедешь преподавать в мелкие городишки, то и даром хату отхватишь. А может, еще и замуж выскочишь до того, как закончишь институт. Главное, поставь цель и верь, что она сбудется, а как — уже не твои проблемы.

— А чьи? — Соня застенчиво улыбнулась. Мысль о замужестве пугала, но в то же время и грела. Хотелось встретить любовь, чтобы на всю жизнь!

— Высшего разума! Или твоего ангела-хранителя. Короче, жуй бутерброд и собирайся в свой педагогический. — Тетя Маша сунула ей в руки ломоть хлеба с маслом и, вооружившись половником, всерьез взялась за приготовление каши.

* * *

Дорога в институт, точнее университет, оказалась не близкой. Соня полчаса ехала до метро, потом цеплялась за поручень в вагоне, набитом людьми как кильками в банке. А когда выбралась из подземки и нашла нужную остановку, еще минут сорок пыталась втиснуться в идущие одна за другой маршрутки, пока подбежавший в последнюю минуту парень попросту не внес ее в очередное подъехавшее маршрутное такси.

— Эй, красавица, передай на билет! — Плюхнувшись на свободное место, он протянул

ей сотню. Соня тем временем пыталась сунуть под мышку папку с документами и попутно вытащить из кармана мелочь.

— Руки заняты! Подождите! — раздраженно буркнула она, неодобрительно поглядев на парня. Ну и что, что симпатичный? Загорелый. Гладко выбритый. Серые глаза в обрамлении светлых пушистых ресниц смотрели с добрым прищуром. Прямой нос с легкой породистой горбинкой. Улыбающиеся, четко очерченные губы. Волнистые волосы пшеничного цвета, местами выгоревшие до белизны, рассыпались по плечам. Он был одет в черную майку, не скрывающую тренированные мускулы, и порванные на коленях белые джинсы.

Взгляд Сони задержался на красивой вязи татуировки, терновым венцом опоясавшей предплечье.

Ну и что? Красота еще ни о чем не говорит! Главное, какой человек!

Соня снова раздраженно смерила парня взглядом. Мало того, что с комфортом сейчас доедет, так еще и передавай ему! Даже «пожалуйста» не сказал!

— Лучше бы место уступили! — не удержавшись, буркнула она.

В ответ на это предложение парень даже ухом не повел. Лишь ответил широкой улыбкой и вдруг, обхватив Соню за талию, потянул на себя.

— Да легко!

Не успев возмутиться, она поняла, что падает. И не куда-нибудь, а на колени улыбочивого парня.

— Так устроит? И вы сидите, и я не делаю лишних телодвижений, уступая вам место. Все-таки час пик. Пассажиры нас живьем съедят, если мы с вами сейчас начнем рокировку.

Пунцовая от смущения, Соня только и смогла что прошипеть:

— Быстро отпусти меня!

— А твое место уже заняли, красавица! — заявил весельчак. Но сделал это так интимно, что от его низкого, с хрипотцой голоса и горячего, с запахом мяты дыхания Соня почувствовала, как покрывается мурашками с головы до пят. К тому же пришлось признать, что закуток рядом с дверью, где она стояла, уже заняла вошедшая вслед за ней девушка. Рыжие, как огонь, волосы были собраны в два коротких хвостика, миловидное круглое курносое лицо усыпано веснушками, а светло-карие, точнее желтые, как у кошки, глаза закрывали нелепые круглые очки. Да и сама девица была, мягко сказать, круглая. В странных клетчатых брюках с лямками и в полосатой бело-синей футболке.

— Привет, Колобок! — вдруг выдал нахальный попутчик.

Соня даже затаила дыхание. Сейчас только не хватало скандала, а еще лучше — драки! Между гм... Колобком и весельчаком, на чьих коленях она коротала путь до универа. Понятно теперь, почему он посадил Соню к себе! Чтобы использовать в качестве щита, если, не дай бог, странная девушка решит обидеться на прозвище.

К счастью, она не обиделась. Более того, потешно улыбнулась, наморщив носик, и красивым голосом ответила.

— Здорово, Витек. А я тебя из-за твоей новой подружки и не заметила! В универ едешь?

— Ага! — Соня почувствовала, как сильные руки парня уверенно сцепились в замок на ее животе. — Решил все-таки уйти из универа. Батя, правда, не в курсе, но это даже хорошо!

— Вообще-то, я не его подружка! — решила вставить для ясности свои пять копеек Соня, но ее словно никто не слышал.

— А я тебе еще год назад говорила! Не твое это!

— Хотел угодить отцу! Он обещал машину подогнуть, если соглашусь.

— Еще одну? — Колобок фыркнула так, что Соне показалось, словно она чихнула.

— Я свою продал.

— Конечно, жить-то надо на что-то! Мог бы для разнообразия на работу куда-нибудь устроиться!

— Мог бы, но не вдохновляет, Зой!

— Да тебя ничего не вдохновляет! Только бы в клубе зависать!

— Вот там я свои гроши и зарабатываю!

— Гроши? Это сейчас *так* называется? — Колобок-Зоя еще раз громогласно выразила свои чувства и снова смерила Соню оценивающим взглядом. — Так как твою подругу зовут?

— Не знаю, сейчас спрошу! — Признался Витек и, едва не касаясь губами Сониного уха, поинтересовался: — Красавица, а как тебя зовут?

Соня невероятно обрадовалась, когда водитель вдруг объявил остановку «Университет», вскочила с колен парня и едва не вынесла из маршрутки удивленную Зою. Та в последний миг шарахнулась в сторону, давая Соне дорогу, а вслед ей донесся удивленный голос Витька:

— Девушка! Куда же вы?!

— От вас подальше! — выпалила она, не оборачиваясь, и, увидев впереди, метрах в двухстах от остановки колонны здания университета, торопливо зашагала, вливаясь в немногочисленный поток жаждущих знаний студентов.

Странная парочка догнать ее не стала, хотя Соня была более чем уверена: ей еще придется с ними встретиться и не раз, если ее зачислят. Точнее, когда зачислят!

* * *

Проблем с зачислением действительно не возникло. Соня отдала документы и результаты ЕГЭ какой-то худенькой грустной женщине, заполнила анкету и заявление на общежитие, взяла номера телефонов, по которым надо было позвонить на следующей неделе, чтобы уточнить все по поводу жилья и номера группы, а после счастливая выпорхнула в коридор.

Даже не верится, что она будет здесь учиться! Уже через несколько недель она шагнет в новую, взрослую, тревожную и счастливую жизнь! Она будет счастлива! Несмотря ни на что! И у нее все получится!

До интерната она добралась без приключений. Визжа от радости, повисла на шее у поварахи тети Маши, отчиталась о поступлении директору Марине Сергеевне и долго, до самого рассвета, разговаривала с подругами. Рассказывали друг другу, как прошел день, и строили планы на будущее.

Через неделю она переехала в общежитие университета. Конечно, по правилам, все студенты заселялись после двадцать пятого августа, но в порядке исключения, после звонка директора интерната, ей выдали ключ от комнаты на двух человек.

Вопреки ожиданиям в общежитии было довольнолюдно. Уже вечером к ней заглянула невысокая чернявая девчонка.

— Привет! Тебя, что ли, на место Ольки поселили?

Соня растерянно пожала плечами.

— Не знаю. Может быть...

— Новенькая? На какой факультет поступила? — Гостья, как у себя дома, плюхнулась на

свободную кровать и, ничуть не смущаясь, цапнула из пакета яблоко, которые Соня, между прочим, купила на последние деньги. Стипендию обещали с сентября, да и социальные выплаты пока не отменили, но все эти деньги будут нескоро. Не собиралась она дарить свою последнюю еду каким-то там...

— Исторический. И эти яблоки я купила на последние деньги! — Соня с неприязнью уставилась на девчонку, которая без зазрения совести захрустела яблоком. По губам потек сладкий сок.

— Кому ты лечишь? Тут все такие! Безденежные. А хочешь заработать, приходи в ночной клуб «Море» на Морском проспекте.

— И что делать? — насторожилась Соня.

— Не проституткой, не бойся.

— Стриптиз танцевать я тоже не умею!

— И не надо! — хохотнула девица и поднялась. — Ты не парься! Там творческие люди. Ищут идеи и новые таланты. Вот ты, например, петь умеешь?

Соня нахмурилась.

— Ну... когда-то умела... — Рассказывать незнакомке о том, что она до десяти лет училась в музыкальной школе и даже пыталась сочинять песни, не хотелось. Да и зачем? Зачем вспоминать о прошлой счастливой жизни? Надо строить новую!

— Вот и здорово! Если придешь, спроси Вика. Его там все знают. Кажется, ему нужны помощники. — Девица преспокойненько обгрызла яблоко и положила его на стол. — Если спросит, от кого узнала, скажи от Маркизы. Это я — если что.

— А имя у тебя есть? — Соня едва заметно покривила губы. Маркиза, чтоб тебя! Ни воспитания, ни уважения к чужим... яблокам!

— Так Маркиза! — фыркнула та, явно поражаясь тупости новенькой. — Ну, Анжела! Ты что, не смотрела фильм «Анжелика — Маркиза ангелов»?

Поджав губы, чтобы не расхохотаться, Соня торжественно покачала головой.

— Все ясно! Деревня! — вынесла приговор Маркиза и, не прощаясь, вышла из комнаты.

— Только читала. В оригинале... — выпалила Соня в уже закрывшуюся дверь.

Вечер наступил незаметно. Весь день Соня наводила порядок в комнате. Помыла пыльные окна, расставила немногочисленные книги, разложила вещи. Полила забытый кем-то кактус. Распахнув чистые створки окна, полюбовалась на заполняющийся молодежью двор пятиэтажки.

Из головы не шли слова Маркизы. Попытка не пытка. Может, сходить? Если не понравится, она всегда может отказаться! Правда, Соня не уточнила, во сколько нужно приходиться, но клуб-то ночной. Значит, вечером.

Взглянув на наручные часы — память от отца, она едва не присвистнула. Половина седьмого. Рано, конечно, для клубов, но! Пока она найдет это «Море», пока дойдет, сориентируется...

Черт! Пока оденется! Соня оглядела пыльное трико и выдавшую виды футболку. А во что переодеться-то? Она и по клубам никогда не ходила. Бог его знает, какой там дресс-код!

Подойдя к облезлому, крашенному белой краской шкафу, она распахнула скрипнувшие дверцы и принялась разглядывать вещи, которые только что аккуратно сложила. Нда... и выбрать не из чего. Джинсы, три футболки, белая блузка, светлые брюки и строгий костюм для универа. Перемерив все вещи и уже успев как следует в разных выражениях вспомнить Маркизу, подкинувшую ей такую головную боль, Соня, окончательно распахавшись, решила плюнуть на дресс-код. Натянула узкие голубые джинсы, выгодно подчеркивающие ее стройную фигурку, надела черную футболку с логотипом популярного напитка и, обув кроссовки, вышла из комнаты. Главный ее дресс-код — красота, доставшаяся от мамы. Длинные темные волнистые волосы окутывали ее как шлейф, а черные ресницы и брови в сочетании с пронзительно-яркой зеленью глаз не требовали никакой косметики.

На улице было еще по-летнему жарко, но лучи заходящего солнца уже не опаляли, ласкали ее смуглую кожу. Легкий ветерок тут же запутался в непослушных волосах, распушил, добавил объема, отчего все взгляды парней, сидевших во дворе, оказались прикованы к Соне, заставив ее смущенно прибавить шаг.

Выйдя на остановку, она растерянно принялась искать на маршрутных указателях подошедшего автобуса Морской проспект. Интересно, где такой находится? Пропустив несколько маршруток и автобусов, Соня не выдержала и подошла к сидевшей на лавочке женщине.

— Извините, не подскажете, какой маршрут идет до Морского проспекта?

Та удивленно смерила ее взглядом.

— Не местная?

— Местная. Только никогда в этой части города не была! — смущенно улыбнулась Соня.

— Ясно, — снисходительно кивнула та. — Перейди дорогу и иди через лесопарк к набережной. Это и есть твой Морской проспект. Студенты так набережную называют.

— А ночной клуб «Море»? — насторожилась Соня.

— Обычный клуб, — усмехнулась тетка. — Только располагается на старой посудине. Иди на звуки музыки — не ошибешься.

— Спасибо! — Соня развернулась и направилась к светофору.

Ну, Маркиза! Ну, зараза! Нет, чтобы сразу все объяснить! Соня, конечно, знала, что универ находится неподалеку от набережной, но не могла же она знать все ночные клубы в

этом районе! Хоть бы намекнула, адрес сказала, уточнила, где искать...

Яхту она увидела сразу. Точнее, ржавую посудину советских времен, большую и неповоротливую, вросшую в прибрежный ил. Правда, владельцы этого так называемого клуба попытались добавить ему лоску, выкрасив металлические бока в золотистый цвет, на фоне которого красовалась надпись «Море», и даже изобразив на рубке, выполнявшей роль парадного входа, граффити с акулами, резвившимися у берега моря, где вдали плыла гордая бригантна. А может и не бригантна, а пиратский бриг... Не суть важно. Главное, что Соня наконец-то добралась!

У мостков, ведущих прямо на борт «Моря», толпилось человек десять. Разношерстная компания из ярких девиц в супермини юбках, парней в шортах и майках, джинсах и футболках, с гитарами и без, и нескольких местных денди, одетых с иголки даже в такую жару. На небольшой парковке яблоку негде было упасть из-за модных «Мазерати», «Феррари», джипов и «Мерседесов», между которыми затесались скромные потертые «Тойоты», «Нивы», байки и «Жигули».

Подойдя ближе к тусовавшейся у яхты группе людей, она заметила стоявшего у мостков громилу в костюме.

«Видно, местный секьюрити», — мелькнула мысль.

— Здрасьте. — Подойдя к нему, улыбнулась Соня самой приветливой улыбкой, на какую только была способна. — Я по поводу работы.

— Поломойку вчера взяли, — буркнул тот, даже не взглянув на нее.

Поломойку? Интересно, Маркиза и тут пошутила, назвав работу творческой?

— Я, кажется, ошиблась, но мне подруга говорила о творческой работе, — уточнила лишний раз Соня.

— Творческой? — Громила наконец-то удостоил ее внимания и даже снял темные очки, сально разглядывая ее маленькими глазками. — А, ну тогда другое дело! Экзотанцы?

— Наверное... — Она пожала плечами, пытаясь догадаться, в чем заключаются экзотанцы. Может, в тамтамы нужно бить или румбу выплясывать? Да какая разница! Главное, чтобы заплатили.

— У тебя все шансы попасть туда, куда хочешь, с такой-то мордашкой... — Секьюрити похотливо ей подмигнул и даже провел здоровенной потной лапой по подбородку девушки. — Жаль, что я не продюсер.

— Можно мне тогда уже войти? — Соня едва не передернулась от отвращения, но стерпела. Только не хватало, чтобы этот громила ее в отместку не впустил!

— Нужно! — Он услужливо открыл дверь в рубку. — Вниз по лестнице в зал и прямо до сцены. Беги, пока все номерки на сегодня не расхватали.

Соне не надо было повторять дважды. Буркнув «спасибо», она бросилась вниз, откуда навстречу ей с несокрушимостью штормовых волн летела танцевальная музыка.

Толкнув дверь, она шагнула в довольно большой зал. Из-за мелькающих огней и полумрака было трудно разглядеть все подробности обстановки, но кое-что она все же заметила. Например, уютные диванчики, столики с прозрачными раковинами, выполнявшими роль светильников, барную стойку у противоположной стены, а по центру невысокую круглую сцену, окруженную с двух сторон спускавшимися в зал ступенями. С краю сцены стояла одинокая диджеевская вертушка, рядом с ней ударная установка, а по краю сцены расположились динамики.

Интересно, где тут раздают «номерки»?

Но особо озадачиться этим вопросом ей не дали.

— Эй! Ты кто такая, звезда моя? — Внезапно ее за плечи обняли чьи-то руки. Поспешно развернувшись, она уставилась на высокого, упитанного коротко стриженного парня. Его курносая мордаха излучала дружелюбие и готовность помочь.

— Вик?

— Не-е-е... Ни разу не Вик!

— А где Вик?

— Ты что, одна из его протеже?

— Что?!

— Еще и глухая? Где он тебя, бедолага, подобрал? — здоровяк улыбнулся, окончательно превратившись в душку-парня, и отвесил комплимент: — Хотя с такой внешностью, как у тебя, можно не париться о том, что ты не слышишь тот бред, который несут некоторые местные уроды!

— Извините, но, по-моему, вы говорите на наречии провинции Цунь, а я, к сожалению, там была лишь проездом, — не выдержала Соня. Трудно быть в наше время интеллигентом. Порой некоторые, особо нецензурные ругательства так и лезут в голову, чтобы вот-вот сорваться с языка, но секьюрити под названием «воспитание» просто не дает этого сделать.

— Мне кажется, или ты только что назвала меня... гм... балаболом? — Парень так восторженно вытаращился на нее, что Соня даже засмузилась.

— Я действительно немного не поняла... Знакомая сказала, что я смогу тут заработать, а я даже не знаю, как. Она посоветовала спросить Вика.

— А как знакомую зовут? — вдруг насторожился тот.

— Маркиза. Точнее Анжелика.

— Все ясно. Эта наша местная звезда... Точнее, она так считает! Ну, пойдём? Попробуем найти тебе место. А ты пока думай, чем народ удивлять будешь. — Здоровяк развернулся и засеменял к сцене. Соня еле поспевала за ним. Они поднялись по ступеням. Оказавшись на сцене, парень юркнул за плотные черные шторы. Соня шагнула следом и оказалась в самой настоящей ложе с двумя кожаными диванами, столиками, светильниками-картинами. Еще тут были компьютеры, две ЖК-панели, на которых просматривались разные части зала и лестница. Но самое главное, стена, отгораживающая эту комнату от суеты клуба, была из темного стекла. Отсюда открывался прекрасный вид как на сцену, так и на стоявшие внизу столики для гостей. — Заходи, будь как дома.

Заметив ее настороженный взгляд на собиравшихся внизу завсегдатаях клуба, он снисходительно улыбнулся.

— Они нас не видят. С той стороны для всех просто черная стена. Удобно...

Он раскрыл лежавший на столе толстенный журнал и, взяв лежавшую между страниц ручку, торопливо принялся его листать. Наконец, обернулся к Соне.

— Сегодня на три часа. Пойдет?

— На три чего? — нахмурилась та.

— На три ночи!

— Что — на три ночи? — Нехорошее предчувствие зашевелилось где-то в районе желудка. Не надо было сюда приходить!

— Ну, откуда я знаю, что ты там умеешь? — Похоже, здоровяк удивился. — Петь, танцевать, фокусы показывать, в конце концов! Или, может, ты дрессировкой занимаешься? Например, тараканов!

— Почему тараканов? — На Соню будто вылили ушат ледяной воды. Она готовилась ко всему, начиная со стриптиза. А тут... танцы? Фокусы?

— Потому что, судя по тебе, звезда, их у тебя в избытке, — фыркнул шутник. — Ты вообще откуда упала?

— Из универа!

— Да тут почти все из универа! Кто во что горазд! Но в основном одноразовые. Бабло срубят и пропали.

— А тут, простите, что? Лавка талантов?

— Ну... знаешь «Камеди клуб»? На американский манер. Здесь можно все! Комические монологи, песни, танцы, интересные номера... Грубо говоря, у нас тут свободный микрофон. Кто-то почти каждый день приходит. Деньги-то нужны. Или, может, ждут, что их заметят продюсеры.

— А за что деньги платят? И кто?

— В основном гости нашего клуба. Если выступление зацепило, поднимают руку, и к ним подходят наши работники, берут гонорар. Пятьдесят процентов выступающему, пятьдесят забирает клуб. За вечер, если много номеров, можно прилично поднять.

— Значит, я должна подготовить номер или песню, записаться по времени и выступить? — Картина наконец-то начала проясняться. Еще некоторые нюансы оставались в тени, но... всему свое время!

— Точно. Можно несколько песен или номеров. Удивительно, почему тебя Маркизка не просветила?

— Потому что яблоки мои хомячила, — не сдержала улыбки Соня. — Видимо, когда у нее работают челюсти, мозг переходит в режим ожидания!

Парень несколько секунд пялился на нее, переваривая заявление, и вдруг залился таким искренним смехом, что Соня не выдержала и рассмеялась тоже. Боже! Как все просто и здорово оказалось! А она боялась сюда идти! Ну и пусть, что нет ни номера, ни песни. Зато она все узнала. Теперь надо подготовиться и вернуться! И можно приходить хоть каждый день!

— Неужели такое возможно? — отсмеявшись, поинтересовался он. — Чтобы и красота, и ум в одном флаконе?! Ты однозначно Вику понравишься. Только... — Здоровяк помолчал. — Будь с ним осторожна. Сама понимаешь — богатство портит людей. А он у нас тут типа за главного. Сын хозяина клуба, местного олигарха Кондратьева. Знаешь такого?

Соня искренно помотала головой.

— И правильно! Меньше знаешь — проще жить! Так что? Ставить тебя на три?

— Я лучше завтра приду. Подготовлюсь.

— Ну, как знаешь! Можешь и завтра. Хоть каждый день. Многие так и ходят. Как придешь, поднимайся сюда. Спросишь Вика или меня. Я — Стас. И диджей, и звукооператор, и администратор.

— Очень приятно. Соня. — Она уже без стеснения пожала протянутую им мягкую ладонь. — Ну, я тогда пойду?

— Иди. А лучше вон, за кулисы прогуляйся. Посмотри, как наши звездочки трясутся — готовятся. Через полчаса вечер начнется, народ оживится, узнаешь, как тут все устроено. Так сказать, морально подготовишься.

— А можно? — Соня взглянула на постепенно заполняющийся гостями зал.

— Нужно. И вот. Держи. — Он протянул пластиковую карту, на которой было написано:

«Море» бонус пять тысяч. — Развлекайся. Сегодня ты наша гостья.

— Что это?

— Бонусная карта. Сегодня ты по ней можешь купить еды и напитков на пять тысяч. Мы время от времени такие разыгрываем. Подарки от клуба.

— Ой, не надо! — тут же покачала головой Соня. — Я лучше потом. Когда заработаю.

— Это просто презент от меня. Без намеков. — Стас снова всучил ей в руки карту и стал серьезным. — Я же вижу, что ты на мели. Деньги клуба. Мне не жалко. Ну, а если такая принципиальная — заработаешь, отдашь!

— Ладно. Так можно. — Соня взяла карту и, повертев ее, сунула в карман джинсов. — Спасибо, Стас.

— Всегда пожалуйста! — Подмигнул тот и тут же потерял к ней всяческий интерес.

Соня бочком выбралась из святая святых на сцену и замерла, разглядывая забитый битком клуб.

Ох ты, божечки, да как же тут выступать? Страх-то какой!

Первым делом ей нестерпимо захотелось вернуться к Стасу и отдать ему карточку. С одной стороны, деньги нужны! Пусть не наличка, зато несколько дней она спокойно сможет перекусывать здесь. Но, с другой стороны, чем отдавать? Ведь пообещала же! Только пообещала она до того, как поняла, насколько страшно стоять на сцене перед таким количеством народа!

Ее раздумья прервала стайка молоденьких девчонок в прозрачных газовых шароварах и цветастых лифах, скорее выставляющих все напоказ, чем скрывающих. Раскованно, словно были одеты в самую обычную одежду, они прошли мимо нее за кулисы, звонко переговариваясь и смеясь.

— А ты что, новенькая? — задержалась возле Сони одна из девушек. — Заблудилась?

Соня неловко пожала плечами.

— Можно и так сказать.

— Первый раз? — Вдруг подмигнула девчонка и, сцапав ее за руку, потащила за собой, за тяжелые портьеры, куда яркими птицами уже упорхнули ее товарки.

— Я, вообще-то, собиралась уходить... — заартачилась Соня, но девица не обратила на это никакого внимания.

— Уйти никогда не поздно! Не трусь! Не так все страшно, как кажется! Забей!

И Соня вдруг последовала ее совету, отбросив свои страхи и терзания. Действительно, не разбив яиц, не сделать яичницу.

Закулисье оказалось совершенно другим миром. Узкий, раскрашенный граффити коридор с несколькими дверьми был и гримеркой, и репетиционной точкой, и курилкой, где общались, переодевались, готовились парни и девушки. Соня насчитала двенадцать человек. С ней тринадцать. Ох, не к добру все это...

— Светка, ты кого привела? — Тут же не оставили без внимания ее появление две белокурые, похожие как две капли воды, девушки.

— Новенькая? Как зовут?

— Соня... — улыбнулась та и пожала плечами. — Не знаю. Может, и не новенькая. Так, просто зашла посмотреть.

— Из универа? — Понятливо улыбнулась одна из сестер. — Тогда надолго. Здесь можно неплохо заработать. Сама понимаешь, на стипендию не прожить.

— Ага! Все тут будем, — усмехнулась другая и представилась: — Юка. А это моя

сестренка — Злюка. Мы с математического.

— Ага. Полгода поголодали, подсчитали, что к чему, и уже три года тут зависаем. С девчонками создали несколько танцевальных номеров и выступаем строго в среду и в пятницу. Пару раз даже на телевидении засветились. Если повезет, Вик пристроит в шоу-балет, и тогда будем в шоколаде!

— Так что вступай в наши ряды, — подытожила Светка. — У тебя номер есть?

— Нет пока. — Соня еще раз с любопытством оглядела закулисье.

— Можешь к нам пойти. У нас как раз Жанка ногу сломала, вакансия свободна, — хлопнула ее по плечу Злюка.

— Не... я по танцам не мастер, — Соня вежливо отстранилась. — Я больше петь люблю. На пианино играю немного.

— Понятно. — Тут же потеряли к ней интерес сестры и, прежде чем отойти, посоветовали: — Тогда к парням в группу попросись. Или гитару осваивай, если, конечно, синтезатором не разжилась. У нас тут а капелла не приветствуется.

Соня в ответ только пожалала плечами. Играть на гитаре она умела. В интернате девчонки научили. Жаль, что никто из выпускниц-подруг не пошел по ее стопам. Быть учителем нынче не престижно...

— Так! Вы почему еще тут? — За кулисы заглянул Стас. — Кто первый по списку? Пять первых номеров — остаетесь, остальные за столики участников! Нечего под ногами пугаться!

Группа танцовщиц, две незамеченные Соней девушки, а вместе с ними и парни с гитарами послушно потянулись на сцену. Остались только те, кто открывал сегодняшний вечер.

— И ты иди с ними. — Стас махнул растерянно топтавшейся Соне. — Недалеко от входа, рядом со сценой есть специально отведенное место для участников. Посиди там. Посмотри.

Где искать это место, Соня даже не представляла, поэтому просто последовала совету и выбежала из-за кулис, чтобы успеть заметить, куда направилась группа уже знакомых девчонок.

Сбоку от сцены, почти у входной двери, как и сказал Стас, действительно стояло четыре небольших диванчика, где и разместились все ожидающие своего выступления участники. Примостившись на крайний, Соня наконец-то смогла выдохнуть за весь суматошный вечер.

— Эй, мадама, хай! — Рядом с ней плюхнулся стриженный, весь в татуировках парень. — Новенькая?

Соня едва удержалась, чтобы не закатить глаза. Как ей уже успел осточертеть этот вопрос!

— Старенькая!

— Да ладно! Не видел я тебя раньше! — Тот явно не понял смысл ее ответа. — Я тут уже два года! Почти всех знаю!

— И что, за два года не нашел спонсоров? — Соня снисходительно посмотрела на него, но парень и на этот раз не понял ее насмешки.

— Да не, но я и не тороплюсь! Мне еще три года учиться!

— А что делаешь? Песни поешь? — Интересно, а если она серьезно будет у него спрашивать, он от нее отстанет?

— Иногда комические монологи читаю. Иногда сценки ставлю, — оживился парень от

такого интереса. — Думаю, когда универ закончу, пойду на актера учиться.

— Ну да, — хмыкнула Соня. — С таким-то опытом!

— А я про че?! — Парень расцвел от догадливости новой знакомой и хотел добавить что-то еще, но требовательный голос со сцены заставил его замереть.

— Дамы и господа! Приветствую всех вас в клубе «Море»! Наслаждайтесь стихией позитива и радуйтесь жизни на всю катушку-у-у! — провыл Стас и под бурные аплодисменты скрылся за занавесью потайной комнаты, в которой сегодня Соне уже довелось побывать. На его место вынырнул юркий длинный парнишка и выпалил:

— Экзотанцы! Группа «Колибри».

На сцену выпорхнули оставшиеся в закулисье девчонки в белых длинных, почти монашеских платьях и под ритмичную музыку начали вытворять такое...

Так вот что значит — экзотанцы! Соня не знала, куда девать взгляд, когда эти двое принялись учинять на сцене нечто совсем неприличное. Почти полностью оголились. Полоски, оставшиеся у них на бедрах в завершение танца, трудно было назвать одеждой!

Рассматривая пол, она даже не заметила, как танцовщицы сбежали за сцену, а в зал к отдыхающим выпорхнули четыре девицы в строгих черных платьицах, которые украшали белые фартучки. В руках у них были шляпы. Они принялись останавливаться у столов, дожидаясь заслуженного гонорара для первых участниц.

— Эти всегда много зарабатывают, — шепнул сидевший рядом музыкант. — Видала, чего вытворяют? Их любой стриптиз-клуб с руками оторвет, а они тут вертятся. Кажись, дошкольницы. Я там их видел.

— Что значит — дошкольницы? — удивленно покосилась на него Соня.

— Факультет дошкольного воспитания, — пояснил тот и восторженно принялся тыкать пальцем, указывая на сцену. — Ща будет что-то с чем-то!

Соня подняла взгляд и выгнула бровь, узнав в следующем выступающем нахального блондина из маршрутки. Как же его звали?

— Витек! Ща сбцаает! — тут же напомнил имя парня восторженный сосед и засвистел.

Соня с любопытством уставилась на выступавшего. Все та же майка, порванные на коленях джинсы. Улыбнувшись голливудской улыбкой, он перекинул через шею ремень гитары и, зажав первый аккорд, провел, лаская, пальцами по зашелестевшим струнам.

— Вы все меня знаете. Или не все. Или не знаете. Не суть! Кто-то меня видел. Кто-то обо мне слышал. Не важно. Главное, что вы почувствуете, услышав мой голос, уловив мои эмоции, осознав слова...

А дальше Соня исчезла. Она просто растворилась в водовороте песни, которая захлестнула ее как девятый вал...

Я расскажу тебе, как ночь бездарна, Как тьма жестока и тревожно жить. Но среди рвов и шрамов легендарных Умей прощать, прощаться и любить. Умей не помнить ад чужой измены, Умей не верить в хмарь ненастной лжи. Забудь о боли, что течет по венам, Отсчитывая дни как этажи. Не важно, было это или будет. Не важно, надо это или нет. Я знаю: вы меня простите, люди, Спустя години разноцветных бед. Я знаю, ночь рассветом обернется, И в бездну адову низвергнется навек, Но что мне делать, если сталь не гнется, И если снова плачет человек? Я жизнь отдам, чтобы летели мысли, Чтобы взрывались потокой слова. Но почему, с тоской и укоризной, Опять глядят свинцовые глаза...

Как точно, четко, выверено и... больно!

Соня поняла, что не в силах сдержать наворачнувшиеся на глаза слезы. Все это, то, что

живет в его песне, она уже пережила. Вопросы так и остались. Ответов нет и скорее всего никогда не будет.

Даже не подумала бы, что у красавчика из маршрутки настолько глубокие мысли и чувства. Вот только... их как будто бы никто в этом зале не понял. Песня закончилась, гитара прошелестела на прощание серебряным вздохом, но только никто не побежал по рядам собирать гонорар. Слово изначально все договорились, что эта песня ничего не стоит!

Нет! Так не должно быть! Это несправедливо!

Соня решительно окликнула девушку, несущую в ложу администрации собранный гонорар танцовщиц.

— Извините! Можно вас?

Девушка удивленно обернулась, смерила Соню раздраженным взглядом, но все же подошла.

— Что-то хотели?

— Да! Передайте эту карту исполнителю, который только что выступал. — Она без сожаления положила в шляпу пластик с подаренными пятью тысячами. — Я очень хотела бы оценить его исполнение, а никто не подходит.

— Но... не надо!

— Я хочу! Передайте ему эту карту! Только не говорите от кого! Пожалуйста!

— Мы принимаем только наличные! — Девушка сделала последнюю попытку отвертеться, но Соня даже слушать не стала. Поднялась.

— Я понимаю почему. Карта не делится, но думаю, что этот парень сможет отдать половину клубу, как только заработает наличные. И случится это, как мне кажется, очень скоро!

На этот раз девушка не стала возражать, только кивнула и направилась к сцене, с которой спускался Виктор. Соня дошла до двери и обернулась. Она увидела, как девушка подошла к нему и, указав на нее, что-то произнесла. Парень взял в руки ее презент. Последнее, что Соня увидела, был его удивленный и... растерянный взгляд.

Видимо, за такие песни его тут не очень-то жалуют. Сейчас обыватели не любят думать и чувствовать... Жаль...

Соня вышла из клуба и, спустившись на набережную, направилась в общежитие. Охрана пускала лишь до одиннадцати, а если верить часам на стене клуба, сейчас было около десяти. Успеет до закрытия. В этом она и не сомневалась. У нее впереди ночь, чтобы написать песню и отрепетировать ее до завтра.

Она вернется сюда.

По-любому!

Осень пришла внезапно и безудержно закружила мир в вальсе листопада и дождей. Софья ненавидела осень, потому что она забирала все, что она когда-то любила. Осенью умер отец. Пусть это было семь лет назад, когда ей было всего одиннадцать лет, но она помнит тот день до мельчайших, ранящих душу подробностей.

Разорившийся дворянин Алексей Роцинский был сослан вместе с семьей в свое имение подальше от высшего света столицы и благополучно там забыт. Позже маменька поведала Софье, что отец был игроком, но она любила его и не могла винить за то, что из городского поместья они перебрались в этот большой, но мрачный и холодный дом.

Отец стал угрюмым, как и этот старый дом. Как осень. И его пожелтевшее лицо озаряла улыбка лишь тогда, когда он видел дочь.

— Ничего, Софьюшка. Мы еще вернемся в город! Обещаю, что на твоё шестнадцатилетие я устрою великолепный бал в твою честь, и ты обязательно встретишь на нем своего суженого!

И Софья верила. Закрывала глаза и, прижавшись к теплому боку отца, представляла этого самого суженого... Но осень разрушила эти мечты. Она помнит день, когда проснулась от заполосных криков прислуги. Обжигаясь о ледяные каменные ступени, забыв, что она боса и в одной ночной рубашке, сбежала вниз и застыла. Отец, безжизненной сломанной куклой, лежал на мраморных плитах пола в черной луже, а рядом валялся его любимый кремниевый револьвер, украшенный слоновой костью. Подарок из Индии.

— Папа? Маменька, что с папенькой? — Девочке показалось, что она это прокричала, но на самом деле едва прошептала. — Что с ним?

— Твой отец умер. — Каким-то непостижимым образом мать ее услышала, а может, решила, что нужно что-то сказать. — Оставил нас. Со мной и твоими братьями он и так не особо считался, но как он смог оставить тебя, свою любимицу?

Мать развернулась и ушла, а Софья этого даже не заметила. Она беззвучно плакала, не в силах отвести взгляда от папеньки. Кто же теперь будет рассказывать ей о ее суженом? И ничего папенька ее не бросал! Осень заставила его сделать это!

— Это — осень... — прошептали в пустоту ее губы. Софья поежилась, пытаясь освободиться от гнета воспоминаний, и закуталась в шаль, надеясь спастись от зябкой непогоды и тоски, отравляющей душу. Впрочем, какие еще чувства можно испытывать у могилы близких людей?

Следующими были близнецы. Они умерли два года назад от какой-то заразы. И тоже осенью. Сгорели как две свечи ее младшие братики. Хоть мать и считала, что Софья недостаточно заботилась о них, мало уделяла им внимания и времени, она любила их. Петр и Павел... Ее апостолы...

Она перевела взгляд с надгробия отца на две могилки рядом.

Маменька любила говорить, что все они сейчас на небесах рядом с Боженькой, и только оставшиеся должны нести свой крест в этом преддверии ада. Она всегда была набожной женщиной. И строгой. Но Софья знала, что мать любит ее. А то, что из ласковой и нежной красавицы, блиставшей на балах в столице, мать превратилась в худую, неулыбающуюся старуху, тоже была виновата осень!

— Прощайте, братики! Прощай, папенька. Не знаю, свидимся ли еще. Хоть ты и хотел

мне счастья, да, видно, без тебя ему не бывать. Не увидеться мне с моим суженым. Матушка отдает меня замуж за старого богатея. Он купил меня, папенька. И не будет мне того счастья, что ты мне обещал. Но это не твоя вина. — Софья поднялась и, посмотрев на желтые, оставленные ею на могиле цветы, печально улыбнулась. — Это осень.

— Софья! — Резкий голос матери заставил ее вздрогнуть, обернуться и покорно побрести к усадьбе. После того, как сорокавосемилетний купец Илья Кондратов заслал к ним сватов, мать ходила за ней как тень. Где бы Софья ни находилась, она кожей чувствовала ее присутствие. — Вот ты где! Илья Николаевич сам изволил приехать, на жену свою будущую посмотреть.

— Приехать? Он в усадьбе? — Софья почувствовала, как похолодели ее и без того холодные руки, а ноги подкосились, заставив опереться о ледяное надгробие. Вот и все! Если после того, как приезжали сваты, еще брезжила надежда, что все это неправда, что купец Илья Кондратов передумает, откажется от нее, бесприданницы, то теперь словно сердце остановилось.

— В усадьбе. С братом своим и помощником. Изволил сам посмотреть на свою красавицу невесту. — Мать подошла, взяла ее, словно маленькую, за руку и повела за собой, не замечая хлябающей под ногами осенней грязи. — Ты же у меня красавица, Софьюшка! Окончились теперь наши мучения! Отстрадали мы! Будешь теперь как сыр в масле кататься и думать забудешь о том, что тебе пришлось пережить из-за твоего папеньки! Если бы не его пристрастие к карточным играм, то до сих пор горя не знали бы...

— Лучше скажите, что эта свадьба вам в радость! Отдаете меня старику за богатое приданое! — Софья зло вырвала руку и посмотрела на мать. — Я вам в тягость! Как и папенька был!

— Дура ты, девка! — Мать вопреки ожиданиям не разозлилась на ее непокорные слова и, снова взяв за руку, потащила за собой, бормоча: — Кому ты нужна, даром что дворянских кровей! В столицу тебя не пустят, а Кондратов самая выгодная партия. Вдовец! Богатей, каких поискать. Он же тебя на руках носить будет! И что такое сорок восемь лет для мужчины? Родишь ему наследника и живи в свое удовольствие! Еще спасибо скажешь!

— Да зачем я ему сдалась?! Мог бы кого и побогаче сосватать! — Гнев и злость уступили место апатии. Может, и права матушка. Может, судьба это ее?

— Золото ему и свое девать некуда. Богатейки ему не надобно. А вот молодость, красота и титул графский, чтобы перед своими хвастать — самое оно!

— А если он руки распускать станет? Ведь недаром же вдовец!

— Не станет. — Только и отмахнулась мать. — Есть у меня защитный амулет. Еще от матери достался. Наденешь его, и мужики все что шелк становятся. Хранит он нас от всего. Только от неудач судьбинных не хранит, но, верю, тебя они обойдут стороной.

Холодный холл усадьбы встретил их тишиной. Захлопнув с грохотом двери, мать подтолкнула ее к коридору, что вел в зал приемов. Возле приоткрытой двери, за которой слышались голоса, она остановилась.

— Иди.

Софья взглянула на нее и, распахнув дверь, шагнула внутрь. Трое мужчин сидели в креслах у зажженного камина и, попивая из бокалов янтарную жидкость, о чем-то тихо переговаривались.

— Здравствуйте... — пробормотала Софья, делаясь пунцовой от обратившихся на нее взглядов.

— И тебе не хворать! — поднялся один и неспешно направился к ней.

«Господи, только бы это был не мой жених! — взмолилась девушка, разглядывая лысого, курносого коротышку. Зато борода была роскошной. Окладистой, светлой, в мелкую кудряшку. — Только бы это был не он!»

— Петр Косицын. Поверенный вашего нареченного, Софьюшка! Приятно познакомиться! — прогнусавил тот.

Софья выдохнула и улыбнулась, стараясь не морщиться, когда тот слюняво приложился к ее руке.

— Пойдем, я познакомлю тебя с твоим женихом! — Его пухлая ручка приобняла ее за талию, и он повел девушку к поднявшимся навстречу мужчинам. Софья растерянно оглядела их. Оба высокие, широкоплечие, статные, с темными кудрявыми шевелюрами. Оба привлекательные. Только один был молод, а на висках и усах другого уже начала пробиваться седина.

— Добрый день, Илья Николаевич. — Софья безошибочно присела в поклоне перед тем, кто был старше.

Тот помедлил с ответом. Обошел ее, разглядывая, словно необъезженную кобылицу. И наконец, выдал:

— Хороша! — Взяв ее за подбородок, улыбнулся. — Пойдешь за меня замуж?

Стараясь не выдать охвативший ее гнев, та только кивнула и едва слышно прошептала:

— Пойду.

— Вот и умница! — Жених вдруг притянул ее к себе и властно впился в губы. — Ты станешь хорошей женой! — выдал он, наконец отстранившись. — А если родишь мне сына — озолочу!

Софья отпрянула, невольно отирая кулачками губы.

— Грешно это. До свадьбы!

— А чего тянуть-то? — Илья Николаевич с улыбкой провел рукой по ее щеке, размазывая невольные слезы. — Завтра за тобой придет Дмитрий Николаевич, брат мой, и заберет тебя в мой дом, а я пока отбуду к свадьбе готовиться.

Он указал на молодого. Тот стоял, не сводя с Софьи глаз, до сих пор не проронив ни слова. Услышав наказ брата, криво улыбнулся и коротко поклонился.

— Всегда рад исполнить твой наказ, братец. — И Софье. — Добро пожаловать в семью.

Они что-то говорили еще, разговаривали с заглянувшей в зал маменькой, обсуждая какие-то условия сделки, только Софья не слышала. Сгорая от стыда, она, сжавшись в комок, сидела на диване, мечтая только о том, чтобы этот кошмар закончился и завтра не наступило никогда!

Наконец, когда жених со свитой уехал, Софья дала волю слезам. Как подошла мать, она не услышала.

— Ну, хватит! Чего реветь как по покойнику?

— Я не люблю его! И никогда не полюблю! — Всхлипывая, Софья посмотрела на мать. — И если он вам так нравится, выходите за него сами!

— Да я бы вышла... — горько усмехнулась та. — Да только не позовет. Таким, как он, привыкшим брать от жизни все только самое лучшее, такие, как я, не нужны. Одно счастье мне только и осталось: взять даденое за тебя приданое да уехать к сестрице, графине Никольской, в Париж.

— Вы бросите меня? — От такой новости даже высохли слезы. — Вы бросите меня,

матушка?

— Ты будешь замужем. Свой долг перед тобой и перед отцом твоим я выполнила. Вырастила тебя, пристроила. Пора и о себе подумать. — Мать села рядом на диван и протянула ей затянутую в черный шелк коробочку. — Вот. Возьми. Это мой семейный амулет, о котором я говорила. Бабка моя рассказывала, что в нем заключен дух, который защищает всех женщин нашего рода. Если вдруг твой муж будет с тобой неласков, вспомни про амулет и надень его. Говорят, чтобы амулет проснулся, его надо напоить своей кровью, но я не пробовала. Муж мне достался ласковый, любящий, да только без стержня и царя в голове, а от этого никакой дух не поможет.

Софья взяла коробочку и открыла. Долго вглядывалась в странный узор необычного, словно покрашенного черной краской креста, в изумрудный глазок, расположенный точнехонько в центре, и снова закрыла.

— И как он защищает?

— Да кто его знает. Вроде обидчики тебя начинают любить как себя. Так мама моя говорила.

— Спасибо, маменька. Я буду беречь его.

— Или он тебя, — вздохнула та. — Но без особой нужды не надевай. Колдовские вещи — они всегда с двойным дном.

Утро свадьбы все равно наступило, как Софья этому ни противилась. Только теперь она не испытывала страха. Скорее нетерпение, чтобы все это поскорее закончилось.

Дмитрий приехал ровно в ветреный полдень. Помог забраться в карету Софье, одетой в роскошное, шитое жемчугами свадебное платье, и, отдав распоряжение кучеру, сел рядом. Мать провожать их не вышла. Да и зачем? Все было сказано между ними еще вчера. Ничего не изменится за ночь.

Какое-то время попутчики молчали, трясась в поскрипывающей карете. Софья погрузилась в невеселые мысли, слушая завывания ветра, и вопрос Дмитрия застал ее врасплох.

— Хорошо ли вы сегодня спали?

— Что? — Она растерянно взглянула в его темные, почти без зрачков цыганские глаза, невольно отметив длинные пушистые ресницы и прямые линии бровей.

— Что вам снилось? — улыбнулся он. И в глазах заплясали лучики солнца.

Снилось? Софья даже нахмурилась, вспоминая, и наконец виновато призналась:

— Не помню...

— А мне снились вы. Как будто на лугу цветы собираете. Хороший сон.

Он вздохнул.

— К чему это вы? — насторожилась Софья.

Тот пожал плечами.

— Ни к чему. Просто примета есть. Если хороший сон накануне свадьбы увидеть — все будет хорошо!

— Ах, не успокаивайте меня. — Софья разочарованно взглянула в окно.

— Илья хороший. Не бойтесь. Может, он немного властолюбивый и строгий, но он добрый человек. И несчастный. Две жены похоронил, а наследников нет. Даже меня подумывал преемником своих дел сделать, пока о вас не узнал.

— А почему жены умерли? — Она вновь посмотрела на Дмитрия. Вроде черты с братом похожи, да только присмотришь — небо и земля! Тот грубый, властный, привыкший

добиваться всего по щелчку пальцев, а Дмитрий вежливый, утонченный, душевный, с аристократичными чертами лица. Если бы судьба не распорядилась так жестоко, предоставив ей выбор, она бы лучше выбрала Дмитрия.

— У первой, Лизаветы Палны чахотка обнаружилась на второй год после свадьбы. Я тогда еще мальцом был, не помню особо. Вторая, Ольга Семеновна, долго прожила с ним в браке, да все детей бог не давал. Потом дал, да только потешился. Умерла она при родах, и ребенок долго не прожил. С тех пор брат не женился, пока вас не увидел, Софьюшка.

Софья даже вздрогнула, как нежно, ласково он произнес ее имя.

— Надеюсь, у вас с Ильей все будет хорошо да ладно.

— Я боюсь его. Не люблю! — вдруг вырвалось у нее. — Я не хочу быть ему женой!

— Не переживайте! Вы его полюбите. Он хороший, — уверенно произнес Дмитрий, глядя ей в глаза. В душу! Да только она ему не поверила. Только отвернулась, чтобы не смотреть в его глаза, в его лицо. Чтобы не запоминать его черты.

Имение купца Кондратова находилось рядом с большой деревней, которую они проехали на закате. Еще не стемнело, как они прибыли к роскошному двухэтажному каменному особняку. Софья, уставшая и замученная поездкой, едва не вывалилась из кареты, когда Дмитрий распахнул дверцу. Подхватив ее на руки, он, распорядившись кучеру по поводу багажа, понес ее к огромному светящемуся дому, возвышавшемуся за высоким частоколом забора, из которого доносились звуки пианино, гармоники и скрипки, а также смех и голоса.

Что же будет, когда гости и ее будущий муж увидят, как Дмитрий внесет ее в дом на руках? Не хорошо это! Софья беспокойно огляделась и взмолилась:

— Нет! Поставьте меня на ноги! Пожалуйста!

— Да полно вам! Вы и минуты не удержитесь! — Дмитрий, и не думая подчиняться, легко улыбнулся, глядя ей в глаза каким-то тяжелым, подчиняющим взглядом.

— Удержусь! Пустите!

— А если я не хочу вас отпускать? — едва слышно произнес он, заставив ее замереть от невыносимого ужаса и сладостного восторга, но тут же поставил свою драгоценную ношу на первую ступеньку крыльца. Нежно поддерживая за талию, он повел ее вверх. — Осторожно, ступени крутые, ровно десять штук. Я помогу вам подняться.

Едва они оказались у тяжелой дубовой двери дома, как она распахнулась сама, и на крыльцо, пошатываясь, шагнули двое бородачей. Увидев Софью и Дмитрия, они охнули и старательно поклонились, подметя бородами пол.

— Дмитрий Николаевич!

— Барыня-хозяйка!

— Посторонитесь! — вдруг рявкнул в ответ Дмитрий и, едва не отпихнув бедолаг, буквально внес Софью в дом. Навстречу им выбежали несколько женщин и тоже низко поклонились.

— Хозяйка!

— Дмитрий Николаевич! Сообщить хозяину, что вы дома?

— Отведите Софью в ее покои да приведите в порядок! А брату я сам доложусь!

Софья почувствовала, как поддерживающие ее все это время руки исчезли, и Дмитрий, не произнеся больше ни слова, направился по коридору, туда, где слышалась музыка и разухабистые, взбудораженные алкоголем голоса.

Ой, страшно-то как! Точно в пасть ко львам попала! Да и дом будто клетка! Из высокого холла в залу, где и происходила ненавистная свадьба, вел через весь дом длинный, мрачный

коридор с рядом дверей, а по обе стороны вверх, в полумрак, едва разбавленный тусклым светом нескольких керосиновых светильников, поднимались лестницы, видимо, к спальням. И не оконца вокруг! Аж жуть берет! Так и кажется, что сгинет она в этом доме на веки вечные.

— Пойдем, хозяйка, с домом завтра мы тебя познакомим! Надо тебя с дороги умыть, а то Илья-батюшка уже весь истомился в ожидании невесты! И поп приглашенный уже истомился. Еще чуть-чуть, и придется завтра ждать. Медовуха у нас знатная. — Служанка, бабка лет семидесяти, подхватила ее за талию и повела в темноту коридора. Как оказалось — бесконечного!

Наконец семенившая впереди девушка-чернавка распахнула двери, и Софья оказалась в большой комнате без окон. У дальней стены стояла большая лохань, полная воды, от которой исходил пар. Не успела невеста пискнуть, как три пары рук со сноровкой стали расстегивать крючки и пуговицы на ее подвенечном платье, пока оно бесформенным облаком не упало к ее ногам.

— Худющая-то какая! — не удержалась бабка, не скрывая неприязни, и подтолкнула ее в сторону лохани. — Взбирайся. Нам велено тебя вымыть.

— Но... платье! — Софья с ужасом смотрела, как служанки подхватили подаренное мамой подвенечное платье и, распахнув заслонку, сунули его в полыхающий огонь печи.

— Не бойсь, хозяйка. Илья Николаевич может позаботиться о своей невесте. — Бабка, судя по всему, была тут главной. Она дождалась, когда Софья заберется в лохань, оказавшуюся ей по пояс, расплела ей косу и вдруг окунула ее с головой, а затем, больно дергая, с силой принялась мыть ее роскошные иссиня-черные волосы.

— Не надо! Я сама! — Наглотавшись воды и пытаясь открыть щиплющиеся от мыла глаза, наконец возмутилась Софья. Где-то внутри просыпалась злость. — Пошли прочь!

— Ты смотри! Еще не хозяйка, не жена, а уже туда же! Командовать! — восхитилась молчавшая до сих пор пышнотелая служанка.

— Говорят, бесприданница! Ничего за душой, только титул! — поддакнула девушка-чернавка так, словно ее, Софьи, тут и вовсе не было.

— Так! Все! — Софья окунулась с головой, смывая липкое мыло, и поднялась. — Пошли прочь! Несите мое новое платье! Раз уж ваш хозяин венчальное платье самой графини Роцинской, подаренное ей императором, не ценит, то что говорить о его глупых шавках! Быстро!

То ли в ее голосе читалась реальная угроза, то ли побоялись холопки перечить будущей хозяйке, но спорить не посмели и резво потрусили к двери. Софья победно улыбнулась. Еще посмотрим, кто кого!

Выйдя из лохани, она с наслаждением завернулась в мягкую простынь, лежавшую на лавке, и украдкой смахнула злые слезы. Раз уж Илья Николаевич сделал такую ошибку, пожелав ее в жены, она станет соответствовать своему титулу и положению! И не позволит никому смеяться над собой!

Спустя час Софья, одетая в белоснежное, с открытым лифом и длинным шлейфом, шитое серебром платье, уже входила в зал. Ее блестящие волосы были заплетены в две толстенные косы, с ниткой жемчуга. Фату она надевать отказалась, и служанки не посмели перечить. Впрочем, отсутствие оной никто и не заметил. Все смолкли, во все глаза пялясь на невесту, будто на призрак, пока жених не прервал молчание.

— А вот и моя невестушка пожаловала! Софья Алексеевна! Прошу, красавица! — Илья

Николаевич, одетый в расшитый золотом черный камзол и такие же штаны, грузно поднялся и неровным шагом подошел к невесте. Подал руку. Софья едва сдержала гримасу брезгливости. От жениха изрядно пахло алкоголем. От принятой на грудь медовухи веки жениха набрякли, делая немолодое лицо одутловатым, а темные глаза налились кровью, делая его взгляд угрожающим.

— Конечно! — Она сделала над собой усилие и улыбнулась. Приняла его руку и позволила повести себя в центр зала, где их ожидал, покачиваясь, одетый в черную рясу местный поп. В жидкой бородачке застряли крошки хлеба, а глаза упрямо закрывались.

— Мы готовы, отец Макар, — наконец они замерли перед священнослужителем.

— Аминь! — обрадовался тот, попробовал сфокусировать взгляд на молодых и, запинаясь, затянул какой-то псалом.

Софье было невыносимо стоять здесь, на лобном месте, точно паяц в балагане, и она была несказанно рада, когда прозвучали вечные слова:

— Берешь ли ты, Илья Николаевич, в жены рабу Божию Софью?

— А как же!

Священник довольно икнул, видимо, вспоминая об оставленном за столом угощении, и перевел мутный взгляд на невесту.

— А ты, Софья Алексеевна? Берешь ли в мужа нашего уважаемого Илью Николаевича?

Интересно, а что будет, если сказать «нет»?

Софья так явно представила последствия этого коротенького словечка, что рисковать и экспериментировать желания не осталось. Она нашла взглядом стоявшего позади остальных гостей Дмитрия и, не сводя с него взгляда, громко произнесла:

— Да. Я беру.

— Вот и чудненько! — обрадовался поп. — Точнее, аминь!

И словно этим словом снял запрет на разговоры. В зале точно завелся пчелиный улей. Кто-то кричал поздравления, кто-то продолжил беседу, прерванную на этот нелепый обряд. Зазвучала музыка. Софья готова была провалиться сквозь землю, только бы не быть здесь, где каждый норовил показать ее ненужность, ее чуждость в этом доме. Даже ее новоиспеченный муж словно забыл о ней, принимая поздравления и поднимая с каждым чарку за счастливый брак.

Наконец он о ней вспомнил.

— Софья, пойдем, поешь чего-нибудь, выпей. — Муж облапил ее за талию и потащил к двум стульям, стоявшим во главе стола. — Садись!

Он усадил ее за стол, сел рядом и, снова обняв за талию, зашептал на ухо:

— Ты не бойся, моя хорошая! Я тебя лаской не обделю. Сколь ни выпью, а мужем твоим сегодня стану. Веселись, знакомься с родней, друзьями, а около полуночи уйдем.

Софья молча кивнула, а когда он отвернулся, передернулась, украдкой глядя на него. Пусть вчера он и показался ей моложавым, но сейчас, перебрав медовухи, выглядел гораздо старше своих лет. А может, все же свалит его с ног сегодня зелье? Сделать вид, что она тоже пьет, а самой ему подливать?

Перекусив зажаренным на вертеле перепелом, она подставила кубок виночерпию и коснулась руки мужа.

— Давай выпьем с тобой, Илья, за нашу сделку?

— Сделку? — Он заглянул в пустой кубок, дождался, когда его наполнят, и, щурясь, посмотрел на жену. — Ха, а ведь ты, деваха, права! Сделка она и есть! Потому мне наш союз

люб. Любовь — она что? Она делает тебя слабым, а дело — завсегда дело. За сделку!

И махом опрокинул кубок в себя. Утер рукавом усы и снова облапил ее.

— Будешь верной, родишь мне сына, и я тебя озолочу!

— Я помню наш уговор... — Она отхлебнула пряный, пахнувший травами и медом напиток и снова подняла тост. — Тогда, милый муж, давай за будущего сына и наследника!

— О! Это другой разговор! — Ему вновь наполнили кубок, и он тут же его осушил.

Спустя полчаса такого душевного разговора Илья Николаевич уже больше висел на ней, чем сидел на стуле, и говорил несвязно, постоянно повторяясь. Вот только и Софья с непривычки, хоть и пила мало, напробовалась медовухи, и теперь противно кружилась голова, и хотелось спать.

— Илья Николаевич! — наконец, не выдержав его бормотания, она вскочила. — Что-то дурно мне от зелья твоего. Голова кружится и мутит. Не пила я до сего дня отраву эту!

— Что? Желаешь в опочивальню и так намекаешь? — Он растянул в пьяной улыбке губы.

— Желаю. Но сперва на крыльчке хочу постоять! На ветру холодном. Чтобы в себя прийти и долг супружеский исполнить.

— Ну, ступай. Постой. А я, ежели не дождусь, приду за тобой! — Илья махнул на нее рукой, словно благословляя, заглянул в пустую чарку и криком подозвал к себе слугу: — Эй ты! Почто моя чарка пустая? Наливай! Вровень с краями наливай! Слепой, что ли?

Дальше Софья на него не смотрела. Принялась пробираться меж гостей к желанным дверям, а выбравшись в холодный темный коридор, она чуть ли не на ощупь пошла вперед, молясь только об одном: найти выход на улицу. В тот момент она хотела спрятаться хоть в сарае, хоть под крыльцом, лишь бы ее не нашло чудовище, называющееся теперь мужем.

Она услышала, как где-то грохнули тяжелые двери зала, и прибавила шагу. Холодный осенний ветер принял ее в себя, когда она уже и не надеялась найти дорогу на улицу. С наслаждением вдохнув напоенный дождем воздух, Софья не стала спускаться с крыльца, просто подошла к крайней колонне и, обняв ее, прижалась щекой к холодному мрамору.

Успокоение пришло с мыслью: никто ее не будет искать. Ее благоверный уже слишком пьян и оттого ленив. Разве что его слуги, да и тем лень будет идти в непогоду. Надо переждать тут пару часов, и ненавистная постель отложится на день. А если завтра будут вторые сутки празднования, то и на два дня.

Она так размечталась о том, как будет хороша жизнь, если ее старый муж не будет ее принуждать к тому, чего она не хочет, что даже не заметила, как тихо скрипнула дверь, и на крыльцо вышла высокая, широкоплечая тень. От сжавших ее в объятии рук она едва не закричала, но стерпела, почуяв сладкий аромат зелья, исходящий от подкараулившего ее супруга. Губы, на удивление нежные, скользнули по шее, задержались на плечах, заставляя ее против своей воли тихонько застонать. Не ожидала она такой нежности от Ильи Николаевича, но все же негоже это пьяными в брачную постель ложиться. А ну как боженька дитя им с первой ночи даст?

— Погоди, Илья Николаевич, — выдохнула она, млея от невольной ласки. — Дай привыкнуть! Понимаю, что твоя, но прошу, пусть это случится не сегодня. Это моя последняя просьба как невесты!

От раздавшегося голоса она замерла, не в силах пошевелиться.

— Нет, Софьюшка, не моя ты. И привыкать не к чему. Все бы отдал, чтобы оказаться на месте брата. Понравилась ты мне. Еще когда он о тебе рассказал, когда на смотрины ездили.

Лебедь белая, а досталась человеку, не ценящему ничего, кроме денег! И ведь я сам тебя уговаривал не далее, как сегодня. Просил поверить в лучшее будущее. Прости меня, Софьюшка!

Стремительно развернувшись, она во все глаза уставилась на Дмитрия.

— Так любя я тебе?

— Да, — прошептал он и впился в губы поцелуем, от которого замерло сердце и сворачивалась кровь. Софья ответила со всей страстью, на какую была способна, молясь только об одном, чтобы этот поцелуй не заканчивался никогда! Вот только все хорошее имеет свойство исчезать предугртенной дымкой. Дмитрий отстранился. — Прости. Я сейчас уйду и больше никогда тебя не побеспокою. Только полюбуюсь тобой еще немного!

— Нет! — она вцепилась в его горячие пальцы. — Остайся со мной! Исполни мою просьбу!

— Любую! — Его губы снова нашли ее шею, обжигая, съехали в ложбинку на груди. — Все для тебя! Что ты хочешь?

Софья помолчала, набираясь решимости, и страстно зашептала:

— Не люб твой брат мне! Не могу свою чистоту отдать этому пьяному борову! Прости за слова. Хочешь, можешь ему так и передать. Только прошу, будь у меня первым! Тогда мне ничего не страшно будет.

Дмитрий отстранился. Софья чувствовала, как он смотрит на нее и молчит. Словно она уничтожила все, что между ними зарождалось, своим непристойным предложением. И когда Софья уже и не надеялась на ответ, он вдруг подхватил ее на руки, легко сбежал по ступеням крыльца и, покрывая лицо поцелуями, направился в темноту.

Аромат сена подсказал Софье, что Дмитрий принес ее на сеновал. Сгорая от нетерпения, он опустил ее в душистую перину. Позволил ей стянуть с себя рубашку и застонал, когда ее губы прочертили влажную дорожку на его груди. Подмял под себя.

— Будь моим! Будь первым! — понимая, что не в силах вынести такую страсть, прохрипела, извиваясь под его сильным телом, Софья.

— Тише! — шепнул он, закрывая ей рот поцелуем. — Я твой! Я тебя никому не отдам!

Спустя какое-то время они, обессиленные, упали на сено.

— Тебя скоро начнут искать... — наконец, после долгого молчания, произнес Дмитрий и вдруг закрыл себе лицо руками, застонал. — Что же я наделал... Как же мне жить, зная, что ты с ним? Что ты не моя? Он даже не родной мне! Сводный, по отцу. И все деньги семьи у него. Я — нищий! Ты даже убежать со мной не сможешь...

— Чш... — Софья отвела его руки, заставив смотреть на нее. — Ты мой любимый! Мой первый! Я тебя всю жизнь ждала! И не отпущу больше! Твой брат — не вечный. Наступит срок, и ты сможешь быть со мной, не таясь, а пока дозволю радоваться тобой хоть иногда!

Голоса, раздавшиеся со стороны усадьбы, заставили ее в страхе замолчать.

— Уже?

— Не бойся. Мы приведем себя в порядок, чтобы никто ни о чем не догадался, а после я выйду с другого входа, присоединюсь к ним и приведу сюда. А ты скажешь, что заблудилась, а так как лишку выпила, то и уснула. Поняла? — Он поднялся и принялся застегивать рубашку.

— Поняла. Только пообещай, что мы теперь вместе? И тогда я все стерплю!

— Обещаю! — Он поцеловал ее долгим поцелуем. — Теперь вместе...

Ночь пролетела в мечтах и творческом порыве. Вместо одной песни Соня сочинила целых три! Точнее не песни. Стихи! Стихи она не писала лет семь, а потому, пока шло вдохновение, она и думать забыла о сне. Наконец, подобрав аккорды на старенькой гитаре, выпрошенной у мальчишек из соседней комнаты, Соня смогла уснуть.

И сон ей приснился странный, сумбурный, но приятный. Точнее сам сон она не запомнила, а вот ощущение полета осталось после пробуждения.

В окнах плескались сумерки. Соня рывком поднялась и уставилась на часы, пытаясь понять: сейчас всего полдевятого или уже? Наконец, сообразив, что она благополучно проспала весь день, Соня заметалась по комнате, натягивая джинсы, попутно пытаясь вскипятить чайник и накраситься. Время как будто замерло. Соне показалось, что она потратила на сборы не меньше часа, но, когда она вышла из комнаты, на всякий случай прихватив с собой гитару, часы показывали, что с момента ее пробуждения прошло всего десять минут.

Когда она подходила к клубу, ее вдруг окликнули:

— Эй, красавица!

Соня только передернула плечами, решив проигнорировать нахала. Да и мало ли красавиц тут ходит... Но незнакомец был упорным. Соня услышала приближающиеся шаги.

— Идет и никого не замечает! Как будто так и надо! — Чьи-то пальцы сжали ее руку, заставив ойкнуть и испуганно обернуться.

— Ты?

На нее смотрел, улыбаясь в тридцать два белоснежных зуба, паренек из маршрутки. Витя, кажется...

— Я! А что ты так удивилась, будто к тебе сам Элвис клеится? В клуб?

— Ага. — Не удержавшись, Соня заулыбалась сама. Обаятельный, мерзавец! И талантливый...

— Кстати, хотел сказать спасибо! — Он достал из кармана джинсов бонусную карточку, пожертвованную ею вчера. — Реально понравилось?

— Очень! Только... — Соня криво улыбнулась. — Такие песни в вашем клубе не в чести?

— Да все песни в чести! Главное, как спеть. — Он улыбнулся еще шире и протянул ей карточку. — Держи.

— Не надо. Она твоя! — решительно помотала головой девушка и направилась к клубу. Времени уже много, а талончики, наверное, уже разобрали. — Ты реально круто спел вчера.

— А почему ушла? — Парень как ни в чем не бывало перевел тему и зашагал рядом. — Я хотел тебя поблагодарить, а тебя уже и след простыл.

— Поздно было. Иначе в общагу бы не попала. — Она пожала плечами. Неужели и так непонятно?

— У нас клуб работает до утра. Многие остаются, — не отставал тот. — А сегодня что планируешь делать? На народ поглазеть или себя показать?

— Показать. — Соня постучала по висевшей за спиной гитаре. — Песню написала. Хочу спеть.

— Песня — это хорошо. Но, боюсь, как бы эта консервная банка ненароком не

развалилась в самый ответственный момент. — Он тоже пару раз стукнул по инструменту, словно считал, что «ответственный момент» должен наступить именно сейчас.

— Не надо... Мне ее еще соседям отдавать. — Спустившись на набережную, Соня остановилась. — Спасибо, что проводил, э-э... Витя?

Парень поморщился и поправил:

— Лучше Вик. А тебя как зовут?

Но Соня проигнорировала его вопрос.

— Вик?!

— Ну да... А что, непохож?

— Тот самый Вик?

— Ну... бог его знает тот или не тот. — Парень лучезарно улыбнулся. — Просто сокращение. Привычное. А что? Или может, плохие ассоциации?

— Вчера... Стас, кажется... сказал держаться от тебя подальше. Если, конечно, ты — владелец клуба... — Соня зябко передернула плечами. Приплыли! Значит, вчера она добровольно отдала пять тысяч этому миллионеру, а сама догрызала последние яблоки? Ну не дура ли?!

— Так это ты была той роскошной незнакомкой, как он выразился? — Вик вдруг обидно расхохотался. — Он мне вчера всю ночь про тебя рассказывал, а я ему слюнки утирал. — И тут же стал серьезным. — Давай расставим все точки на берегу. Во-первых, клуб не мой, а моего отца. Я всего лишь креативный директор и получаю наравне со всеми. Во-вторых, Стас первый бабник на деревне. Вот увидишь, сегодня же начнет тебе намекать, что с ним лучше дружить, если хочешь попасть на голубой экран. Ну, и в-третьих, девушки у меня пока нет, как и времени на девушек, так что решай сама, держаться от меня подальше или поближе. Ну что, пойдём?

Он как ни в чем не бывало кивнул на качающуюся на прибрежных волнах посудину, затем взял оторопевшую Соню за руку и повел за собой по трапу на палубу.

В клубе уже было многолюдно, пахло сладким табачным дымом, духами и весельем. Гремела музыка, а на сцене уже извивались в пароксизме экзотанцев две девушки восточной наружности. Вик уверенно пробирался сквозь толпу, цепко держа Соню за руку, изредка отвечая на приветствия кивками. Возле лестницы, ведущей на сцену, он остановился, ободряюще улыбнулся Соне.

— Не бойся. Здесь помидорами не закидают, даже если у тебя ни слуха, ни голоса. Единственно, денег не заработаешь, но себя показать сможешь.

— А почему ты считаешь, что у меня ни слуха, ни голоса? — Соня выдернула руку из его цепких пальцев.

— Я так не считаю. — Вик вдруг заправил ей выбившуюся прядь за ухо и подтолкнул к лестнице. — Просто ободряющее напутствие. У тебя ладошка, как у мертвеца. Не надо бояться...

Соня передернула плечами и заторопилась вверх по лестнице. Ну каков наглец? Мало того, что обозвал бездарем, так еще и в трусики записал!

Она собралась направиться напрямик за кулисы, но он перехватил ее у двери и решительно потянул за собой в комнату из черного стекла, где вчера она общалась с весельчаком Стасиком.

— Сначала заглянем в администраторскую и узнаем расписание выступлений на сегодня.

— Вик? — С дивана им навстречу поднялся обнимающийся с какой-то блондинкой Стас. Заметив Соню, он, ничуть не смущаясь, распахнул ей объятия. — Вау! А я и не ожидал, что так скоро снова увижу вас, прекрасная незнакомка!

— Так, свободна! — Вик только посмотрел на девицу, как та тут же ретировалась из ложи, оставив их втроем. — Снова очередная протезе?

Он посмотрел на Стаса.

— Да... обещал замолвить тебе словечко. Не за просто так, конечно... — Подмигнул тот. — У нее папа какой-то магнат. Хочет, чтобы девочку приютили в шоу-бизнесе.

— Ок. Пусть покажет, что умеет. Подумаем, — хмыкнул Вик.

— Да между нами, мальчиками, талант у нее только один... — Стас многозначительно замолчал.

— Тогда вопрос не ко мне, — отрезал тот и полистал лежавший на столике журнал. — Время для Сони найдешь?

— Хоть всю ночь! — Тут же ослабилась здоровяк, но, заметив взгляд Вика, посерьезнел. — А чего искать? С двух до трех свободно. Пока... Хватит?

Вик посмотрел на Соню.

— Подойдет?

Она пожала плечами.

— Мне и десяти минут хватит. Только... как потом в три ночи я попаду в общагу?

— Мы что-нибудь придумаем. — Вик что-то черкнул в журнале и поморщился. — Стас, ты за что деньги получаешь? Прибери басы и следи за светом.

— Есть, мой капитан! — тот шутливо вытянулся в струнку и бросился к пультам.

— Балбес! — беззлобно ругнулся Вик и, приобняв Соню за плечи, повел к выходу, попутно объясняя: — Мы с ним с детского сада знакомы. Куда денешься? Вот и терплю...

— Еще кто кого терпит... — Тут же донеслось в ответ. — Все лучшее тебе... А как же? Ты же босс!

— И где мне ждать? — выкрикнула Соня, едва они оказались в зале, в надежде перекричать ритмичную музыку.

— Пойдем! Сегодня ты моя гостья! — Вик кричать не стал, просто произнес ей это на ушко и, снова взяв за руку, повел вниз, за собой. Как маленькую, чесслово!

А может, боится, как бы она не потерялась? Не сбежала? Может, прав был Стас, когда предупреждал о нем? Хотя куда теперь деваться? Надо же было так попасть...

Мучаясь сомнениями, Соня послушно последовала за ним. Наконец, Вик привел ее к, на удивление, свободному диванчику.

— Садись.

— А если кто-нибудь придет? — Соня оглядела зал, забитый до отказа.

— Не придет. Это VIP-зона. Предназначена только для владельцев клуба и их гостей. Все об этом знают. — И ободряюще улыбнулся. — Будь как дома. Я сейчас.

И затерялся в толпе.

Ага, но как бы не забыть, что она в гостях!

Соня принялась следить за действием, разворачивающимся на сцене, и так ее захватило выступление двух мимов, что она не заметила, как рядом с ней уселся одетый в клетчатую рубашку и рваные джинсы какой-то бородач лет пятидесяти.

— Мое почтение!

Соня вздрогнула от неожиданности.

— Здрасьте...

— Может, вы пересядете? — Бородач достал из кармана трубку, со знанием дела набил ее табаком и, чиркнув спичкой, выпустил к потолку клубы сизого дыма.

— А может, это вы пересядете? — Соня демонстративно поморщилась, принимаясь разгонять дым ладошкой. — А еще лучше, выйдете на улицу.

— Не курите?

— Категорично! — Соня принялась выискивать глазами Вика. Когда он уже наконец-то придет, чтобы объяснить этому маргиналу его место!

— Может, еще и не пьете? — прищурился тот, снова выпустив клуб дыма.

— Угадали!

— Неужели еще и девственница?

— А вот это вас не касается! — вскочила Соня, но бородач поймал ее за руку и снова дернул на диван.

— Просто восхищаюсь! Впервые встречаю такой вымирающий вид непорочности! Хотя... — Он поднялся. — Не бывает в этом мире ангелов. У каждого есть своя червоточинка! — И бросив «передай Вику привет», направился куда-то к сцене.

Соня, возмущенно сопя, провожала взглядом его высокую фигуру до тех пор, пока ее не отвлек Вик. Он незаметно подошел и поставил на столик два высоких стакана, в которых были налиты разноцветные напитки. В одном розовый, в другом оранжевый.

— Не заскучала? — Он уселся рядом, положив руку на спинку дивана поверх ее плеча.

— Заскучаешь тут! — она бросила на него возмущенный взгляд. — Кое-как отвадила какого-то бомжа! Внаглую уселся на ваше «вип-место» и, пока я не пригрозила, даже не собирался никуда уходить! Кстати, он еще тебе привет передал!

[Купить полную версию книги](#)